

Сергей Носачев

По ту сторону листа

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Н84

Носачев С.

По ту сторону листа / Носачев С. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 243 с.

ISBN 978-5-532-97138-7

Сборник "По ту сторону листа" - это 20 историй. Рассказы написаны в разных жанрах: исповедь, мистический реализм, зарисовки, гротеск. Все они объединены одной общей задачей: показать и, по возможности, осмыслить отношения между людьми. "Сегодня многие молодые авторы пытаются представить себе будущее, но создать художественное произведение из своих фантазий получается далеко не у всех. Сергей Носачев умеет придумать интересный сюжет, его герои обладают индивидуальностью и оригинальными характерами" Юлия Нежная "Он пишет об одиночестве человека в современном мире, используя и гротеск (повесть "Мертвые педагоги") В реалистических рассказах передано щемящее чувство, тяга одного человека к другому..." Ольга Новикова Содержит нецензурную брань.

Содержание

Бюрократия	4
Повестка	16
Костюм	28
Властители	62
По ту сторону листа	75
Человек	89
Мертвые педагоги	102
Пейнтбол	137
Ностальгия	147
Нытик	156
Развитие	166
Художник	177
Знакомство	183
«Реальная жизнь»	193
Марина	201
Кошки	216
Шуня	219
Свитер	224
Рубашка	229
Лабораторная установка	236

Бюрократия

– Она умерла в срок... – сказал Тумнус вслух, и тут же поправился: «Раньше срока. Кому я вру?! Наташа умерла слишком рано».

Эта мысль мучила его с тех пор, как дома появилась карта. Он с надеждой поднял на нее глаза – в углу экрана уже второй день мигали нули, но лампочка его проводника горела тысячи за две километров от его, Тумнуса, города.

Поежившись, он тяжело поднялся с кровати, не понимая, собственно, зачем ему вставать, да еще в такую рань. Привычка. Или он делает вид, что не смирился? Парализованная рука безвольно стукнулась о бедро. И едва распрямившись, мужчина ссутулился под тяжестью собственной немощи.

Шторы чуть просвечивались с улицы и казались еще более оранжевыми. Он раздернул их все так же, по привычке, но в комнате едва ли стало светлее – за окном висела темень. Под фонарями кружились снежинки, в кругах света появлялись и исчезали торопливые прохожие. Мужчина вздохнул, подтянул трусы и поплелся на кухню.

На этот раз зима и впрямь наступила внезапно. Совсем недавно – на прошлой неделе? – он изнывал от жарко натопленных батарей, как уже ледяной линолеум обжигает босые ноги.

Поставив чайник, он вернулся в комнату и стал одеваться, в голос ругая бессмысленную, отчужденную инфарктом конечность, как ругал ее вчера, и день, и месяц назад. Он проживал каждый день с какой-то натугой, без особых надежд и мыслей – скорей бы кончился. Ничего больше его не волновало. Дома было не слишком хорошо, но спокойно. Никаких лишних эмоций.

Замерев с полунатянутой футболкой, Тумнус попробовал вспомнить, сколько длится это подобие жизни. Со смерти Наташи? Нет, позже. Сначала он горевал и оплакивал ее, потом себя – не бог весть, какая деятельность, но все же. Приходили люди, говорили, вытаскивали его куда-то развеяться. Инсульт – снова люди вокруг, врачи. Снова тоска по ней, жаления себя. Постепенно перестали приходить. Иногда еще кто-то позванивал, но Тумнус почти не отвечал на

звонки, и вскоре они прекратились совсем. Тогда он купил карту: от скуки, от одиночества, с которым было страшно оставаться один на один. Пожалуй, тогда все и закончилось.

Тумнус понял, что безотчетно смотрит на карту. Отмахнувшись от мыслей, он сфокусировался на ней и вздрогнул. Пульсирующая отметка проводника больше не стояла на месте. Он натянул футболку.

Чертova карта! Хотелось свалить все на нее, но вряд ли она так уж виновата. С другой стороны, раз не она, то я? Нет. Нет, я хотел, чтобы все было иначе! Выползти из этой норы, хотя бы захотеть этого. Каждое движение дается с трудом, словно под водой. И желаний нет. Да, что теперь-то?!..

На кухне начал распеваться чайник. Мистер Тумнус заторопился переставить его с конфорки, пока мерзкий свист не заполнил всю квартиру.

Ручка обожгла ладонь, и он в который раз подумал, что надо купить прихватку. Но эта мысль быстро скрылась в тени более важной – кончился сахар. Ни на что особо не надеясь, мужчина прошерстил кухонные тумбочки и шкафчики.

– И правда – Тумнус. Баран. Черт... – он с силой хлопнул дверцей.

Тумнусом его называла Ната. Очень ей нравились «Хроники Нарнии».

– Ты настоящий фавн – такой же кудряш и шерстянка, – звонко смеялась она. – Осталось только научиться играть на свирели.

Его периодически подмывало пошутить насчет рогов, но, чем больше он подозревал ее в романе, тем меньше хотелось озвучивать подобное. Даже в шутку. Как ребенок боялся, что слова материальны. А потом она умерла. И все стало не важно.

Мужчина осторожно открыл подъездную дверь и, укрываясь ею как щитом, немного постоял в проеме. Глаза быстро привыкли к дневному свету – можно было идти. Воздух был непривычно ароматный, как свежесваренный чай, только холодный. Волосы в носу заиндевели и слиплись. Дыхание парило. Снег неуверенно пока скрывал пустую чернь и серость пейзажа.

В зимнем унынии Тумнус засматривался на деревья. Они казались чем-то невероятным. Живут долго и главное – не боятся конца. Из года в год умирают, и вряд ли замечают, когда наступает окончательное все. Привычка – хорошее дело. Хорошо бы и ему так – привыкнуть и не бояться. Хотя, в общем-то, ведет он себя ровно как они – существует, словно ему плевать. Закрылся в своей скорлупе и носу наружу не кажет. Ни нелепых тебе надежд, ни каких-то желаний сверх потребностей.

«А ведь хорошо здесь, свежо».

Улица была пуста, но он привычно сжался, уткнул взгляд в наст, рыжий от песка. Из-за пустого рукава, заправленного в карман – руку он таскал на перевязи, – казалось, все на него смотрят. Тумнус прибавил шаг.

– Какие люди! Олег Николаевич! Здрррраааьте! – фамильярно пропела продавщица. – Где пропадали? Я уж извелась прям вся!

Покупателей не было, и Олег ухватил тележку и засеменил в дальний конец зала – переждать, пока Настя уgomонится. Здесь стояли лотки и ящики с овощами-фруктами. Он набрал всего понемногу и покатил к кассе. У стеллажа с алкоголем понял, что хочет выпить. Он снял бутылку водки и вернулся за маринованными огурчиками.

– А набрал-то, набрал... Олег Николаевич, гостей ждете? Может, и меня позовешь? Я ж ох, какая хозяйюшка...

Из каморки, где в отсутствии покупателей обычно отдыхала вторая продавщица, раздался смешок. Раньше всегда поддерживал эту игру – Настя была милая, круглолицая, улыбчивая и грудастая. Но теперь чаще принимал ее слова за издевку и сгорал от стыда. Олег торопливо полез за деньгами.

– Еще песка два кило. И шоколадку. С изюмом. Сколько?

Девушка перестала ерничать.

– Олег, ты чего? Правда, давай зайду. Помогу тебе. Рука же... – Настя аккуратно рассовала покупки по пакетам.

– Спасибо. Не надо.

– Как знаешь...

Олег быстро глянул на нее, но тут же снял пакеты с прилавка и сбежал от ее растеряно-озабоченного лица.

– Наверняка карту себе повесил. Все, кто вешает... – услышал он, выходя.

Лицо горело от неловкости, ляшки и руку жег морозец. Пакеты оттягивали руку. Он шел медленно, боясь поскользнуться. «И, правда, куда я столько набрал? Пропадет ведь все», – с возрастной бережливостью подумал он.

Перед глазами снова встала карта и мигающие нули. Ведь и впрямь, из-за нее все.

«Смерть встретилась с лидерами государств». Поначалу смеялись до слез. «Министерство переходов». А теперь никого не удивишь. Свыклись. Ну, проводник. Профессия как профессия. Кто-то же должен.

Натка еще была, когда они только появились. Хотела даже активировать свою. И ведь это он не дал. Жить надо свободно. Только дурак хочет знать, когда умрет. Собственные слова звучали в голове глупыми лозунгами. Не упрись он тогда, может, больше времени бы вместе провели. Уволились бы с работ, съездили куда-нибудь или просто из постели не вылезали. Но мысленно оглядев себя, порадовался, что Натка умерла внезапно, и он не видел ее никчемной, раздавленной ожиданием.

Домой он вошел с облегчением. Перевоплощение из Тумнуса в Олега давались все труднее. Но кровь бежала иначе, и жизнь снова стала калейдоскопом прекрасных мгновений. Он знал, что это быстро пройдет. Нужно только чуть-чуть подождать. Час, не больше.

Он закипятил чайник. С мороза чай был непривычно ароматным и вкусным. Он нарезал хлеб и соорудил пару бутербродов и заварил еще чашку.

Внезапно что-то изменилось. Всего на долю секунды. Сердце екнуло и дыхание сорвалось. Он едва удержал кружку.

Мужчина рванулся в комнату. Мигающая точка проводника приближалась к городу. Масштаб карты быстро непреклонно увеличивался. Точка замедлилась и замерла в аэропорту.

Кровь ударила в голову. Внутри Олега заметалось ошеломленное сознание. Он рухнул на кровать и сделал пару глубоких вдохов, уняв

сердцебиение. Метаться было бессмысленно. Он зашел в ванную и ополоснул лицо. В конце концов, он и так второй день живет в долг.

Олег вернулся на кухню, доел завтрак, включил негромко музыку и растянулся на кухонном уголке. Хотелось проспать эти нервные часы, но сознание решило отрепетировать встречу с проводником, пыталось представить его. В голову полезли образы и диалоги. Сначала за входной дверью оказывался холодный тонкий мужчина в приталенном пальто с блестящим меховым воротником. Обязательно в шляпе и перчатках с жутким старомодным кожаным кейсом. И трость с серебристым набалдашником в виде черепа. Но такой вряд ли опоздал бы. Тем более на два дня. И жуткий тип сменился маленьким толстяком, потным и краснолицым. Кургузое пальто и шляпа на размер больше, державшаяся на ушах и постоянно сползавшая на глаза. Несмотря на мороз, он утирает пот с шеи и лба засаленным когда-то белым платком.

Олег улыбнулся и взял с подоконника книгу. Первые же предложения немного утишили тревогу, но сосредоточиться все равно не получалось. Буквы разбегались, слова сливались и теряли смысл.

Мужчина прикрыл глаза. Музыка сразу заиграла громче. Мелодия опутала его и осторожно повела в темную тишину, где не о чем и незачем было думать.

Ему снилась Ната, голышом щеголявшая по кухне. Она говорила, что скоро умрет и что Тумнус должен быть сильным, не киснуть и почаще играть на свирели.

— И ты должен обязательно жениться на какой-нибудь дуре.

— Почему на дуре?

— Я хочу, чтоб ты любил только меня. Ты ведь меня любишь? Вот. А дура этого не заметит.

На все его приставания она произносила пространные речи о воздержании, предстоящем ему после ее, Наташиной, смерти, к которому нужно готовиться. И лучший путь борьбы с соблазном — столкнуться с ним лицом к лицу, и мужественно отвернуться.

Откуда-то появились тонкий и толстый проводники. Наташа, все такая же голая, поила их чаем. Оба гостя пожирали глазами ее наготу, а Ната подмигивала им и игриво поводила плечами, словно Олега

и вовсе там не было. Лоб зачесался. Он почувствовал, что у него начали расти рога. Заглянув под стол, он обнаружил вместо своих человеческих здоровенные мохнатые козлиные ноги.

Олег вскочил с дивана и энергично растер лицо, пытаясь смахнуть остатки неприятного сна. Медленно пришло ощущение, что проснулся он не сам. В этот момент в дверь несколько раз позвонили – коротко и нервно. От мерзкого дребезжания Олег окончательно проснулся. Встать сразу не вышло – ноги затекли. Морщась от электрических покалываний и опираясь на столы-стены, он потащился открывать.

За дверью стояла миниатюрная девушка. Одета она была не по погоде – легкое пальто, юбка выше колена и декоративные сапоги-чулки. Губы посинели, и даже помада не могла этого скрыть. Волосы от талого снега висели толстыми прядями. Она едва не плакала.

Олег втащил ее в квартиру.

– Вы что – дура?

Девушка распахнула на него свои огромные глаза, выпустила из рук сумку и папку, шлепнулась попой на пол и разревелась.

– Я не дура! Я смотрела прогноз. Что мне с собой, шубу брать надо было? Обещали – «прохладно»... Я не дура. Это же... свинство какое. Люди же их слушают. Ну, вот как?

Олег ошалело смотрел на ревущую девушку, не зная толком, что делать. Она все не унималась. Он покосился в комнату. Масштаб карты стал минимальным. Точка мигала в его подъезде. Значит, проводник. Он никак не ждал женщину. Вот и все. Ему умирать, а плачет она. Фантастика! Н-да. Он улыбнулся, и тут же сконфузился. Девушка все еще рыдала. Она была похожа на ребенка, ударившего коленку. Собственно, в дочки она ему и годилась. Ну, может, чуть старше подходящего возраста. «Хотя, если бы Танька тогда не сделала аборт...»

– Ну, что ты ревешь, дуреха, – он опустился на пол рядом с ней и погладил по голове. – Давай раздеваться, пока не заболела.

Пальцы гостьи окоченели и не слушались, и Олег помог ей растегнуть пальто и снять сапоги. Она продолжала жевать какие-то слова сквозь слезы и всхлипы. Сначала не могла добраться до аэро-

порта, потом промерзла там, пока ждала самолет, который все время задерживали из-за снегопада и наледи, и к нему, Олегу Николаевичу, чуть ли не пешком добиралась, потому что деньги кончились, а автобус не шел, и телефон сел...

Олег сходил в комнату и нашел Наткин спортивный костюм. Девушка теперь только всхлипывала, пытаясь унять истерику, икотой прорывавшуюся наружу.

– Вот, переоденьтесь. И в ванную.

Пару минут он поливал ее белые ступни едва теплой водой. Когда они порозовели, бросил в ванную все найденные горчичники, заткнул слив и набрал горячей воды.

– Сейчас согреетесь

– С детства ноги не парила, – сказала она, шмыгая носом. – Меня Аля зовут.

Через десять минут Аля сидела на кухне, завернутая в плед, чтоб не остыть. Олег достал водку. Налил обоим, ей – с медом.

– Спасибо вам, Олег Николаевич.

От ее «Олег Николаевич» мужчину передернуло. Он вспомнил, зачем она здесь, и махнул свой стакан. Налил снова, почти полстакана, и опять выпил.

Девушка смотрела с испугом.

– Вы же знаете, кто я, да?

Он кивнул и налил себе еще.

– Потому и пью. Ты, кстати, тоже выпей.

Девушка зажала нос и мелкими глотками выпила свою порцию. Олег беззвучно хохотал, стараясь подавить подступающую от этого представления рвоту. Морщась и размахивая руками, она схватила бокал и хлебнула чаю. Кипяток обжег язык, и Аля подавилась. Олег налил ей воды.

– И что теперь? – она снова смотрела исподлобья, затравлено.

– Не знаю. Это же ты проводник.

Олег улыбнулся.

– Вы добрый. И внимательный. А что у вас с рукой?

Олег поморщился.

– Как вас занесло на такую работу?